КЛАССИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

В. Э. ВАЦУРО

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ДОМ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ранний период петербургской жизни Некрасова — с момента его приезда в июле 1838 года — принадлежит к числу наименее документированных в его биографии. Мы знаем об этом периоде его жизни главным образом по поздним мемуарам, всегда не вполне точным и противоречивым, всегда смещающим хронологию и рисующим своего героя извне — как эпизодическое лицо в случайных встречах. Автобиографические произведения в этом отношении, вероятно, еще менее надежны: мы никогда не знаем, где в них кончается воспоминание и начинается художественный вымысел.

По всем этим обстоятельствам биографические свидетельства о раннем Некрасове, идущие из его непосредственного окружения, представляют собою явление не совсем обычное и весьма любопытное для биографа. К числу таких материалов относятся письма, послужившие основанием настоящему этюду. Они принадлежат известному в биографии Некрасова Клавдию Андреевичу Данненбергу, его недолгому сожителю и приятелю, связанному с ним, как мы попытаемся показать далее, и более глубокими литературными интересами.

- Вадим Эразмович Вацуро
  - Некрасов и К. А. Данненберг[1]
    -
    - 1
    - 2
    - 3
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68

Вадим Эразмович Вацуро

Некрасов и К. А. Данненберг [1]

Ранний период петербургской жизни Некрасова — с момента его приезда в июле 1838 года — принадлежит к числу наименее документированных в его биографии. Провинциальный юноша в столичном городе, еще только вступающий на путь журналиста и литератора, вынужденный перебиваться случайными заработками и постоянно менять квартиры по требованию хозяев, на долгое время порвавший связи с домом, — он как будто выпадает из той стабильной социальной сферы, откуда обычно доходят до нас письменные документы. Мы знаем об этом периоде его жизни главным образом по поздним мемуарам, всегда не вполне точным и противоречивым, всегда смещающим хронологию и рисующим своего героя извне — как эпизодическое лицо в случайных встречах. Автобиографические произведения в этом отношении, вероятно, еще менее надежны: мы никогда не знаем, где в них кончается воспоминание и начинается художественный вымысел.

По всем этим обстоятельствам биографические свидетельства о раннем Некрасове, идущие из его непосредственного окружения, представляют собою явление не совсем обычное и весьма любопытное для биографа. К числу таких материалов относятся письма, послужившие основанием настоящему этюду. Они принадлежат известному в биографии Некрасова Клавдию Андреевичу Данненбергу, его недолгому сожителю и приятелю, связанному с ним, как мы попытаемся показать далее, и более глубокими литературными интересами. Письма эти отражают повседневный быт будущего великого поэта в осенние месяцы 1839 года, содержат некоторые неизвестные ранее данные для его литературной биографии и, сверх того, дают нам небезынтересный материал для характеристики самого их автора, которого мы отныне должны причислять к ранней некрасовской литературной среде.

1

Личность Данненберга интересовала биографов Некрасова, но известно о нем было мало. В описываемое время ему было двадцать три года: он родился в 1816 году[2]. Воспоминания Н. В. Успенского и В. А. Панаева рисуют его разносторонне одаренным человеком — художником и музыкантом; мы увидим далее, что он был не лишен и поэтического дарования. Успенский сообщал, что Данненберг учился в Казани на медицинском факультете университета и против воли отца оставил его, чтобы поступить в Петербурге в Академию художеств[3]. Сведения эти верны: с 3 октября 1833 года Данненберг был студентом Казанского университета, откуда 17 февраля 1839 года уволился по прошению[4]. От Успенского и Панаева, передававших рассказы самого Некрасова, мы знаем об общении его с Данненбергом в Петербурге. В последнее время об этом появились новые данные: как было доказано О. В. Ломан, Данненбергу посвящено одно из ранних стихотворений Некрасова, написанное уже после выхода сборника «Мечты и звуки»[5]. Дальнейшая судьба Данненберга не была известна; последний след его пребывания в столице — статья о Казанском театре в «Пантеоне русского и всех европейских театров» (1840), возможно, попавшая сюда при содействии Некрасова[6].

Сейчас мы можем расширить круг этих сведений. Материалы как о самом Данненберге, так и об общении его с Некрасовым находятся в бумагах Николая Ивановича Второва (1818–1865), известного впоследствии ученого и литератора демократического направления, главы воронежского краеведческого кружка, сыгравшего столь важную роль в личной и литературной биографии И. С. Никитина[7]. Данненберг и Второв были товарищами еще в Самаре, где прошло их детство; они одновременно учились и в Казанском университете (Второв провел здесь 1834–1837 годы). Дом Второвых, где сходился кружок университетских студентов, был одним из средоточий казанской культурной жизни; отец Н. И. Второва, Иван Алексеевич, сам выступавший на литературном поприще еще в конце XVIII — начале XIX столетия, сохранял и умножал свои петербургские, московские и казанские литературные связи, к которым приобщал и сына. Он знал Крылова, Рылеева, Греча, Гнедича, Дельвига; в его дневнике мы находим описание встреч с Пушкиным[8].

Второвы общаются с казанскими литераторами разных поколений. Они дружны с Фуксами — Карлом Федоровичем,

естествоиспытателем и медиком, профессором университета, и женой его, писательницей, хозяйкой одного из самых значительных провинциальных салонов тогдашней России, гордившейся своим родством с Г. П. Каменевым и знакомством с Пушкиным. Они знакомы с казанскими Панаевыми. В дневниках Второва и письмах Данненберга постоянно упоминается имя Рындовских; глава этого семейства, Федор Михайлович, был женат на Поликсении Ивановне Панаевой, любимой сестре идиллика В. И. Панаева, т. е. был дядей И. И. Панаева по отцовской линии; сам он был в свое время довольно плодовитым поэтом, постоянным участником «Благонамеренного» А. Е. Измайлова; уже в 1818 году, по предложению Измайлова, «доктора медицины» Рындовского избирают действительным членом вновь возобновленного Общества любителей словесности, наук и художеств[9]. Второв постоянно бывает в его доме[10], — и вслед за ним здесь как свой человек принят Данненберг; в письмах в Казань он постоянно интересуется судьбой этой семьи. Каролина Гильтер, мать его невесты, пишет ему: «Старик Рендовский (так!) очень худ, ждут ноньчи или завтри его кончины, с ним сделался удар, — как мне жаль ето семейство, нещастие его со всех сторон давит»[11]. Он умер 27 сентября 1839 года[12], и Данненберг, получив известие, пишет Второву: «Воображаю, каково положение остального семейства Рындовских; едва ли П. Ив. перенесет эту потерю»[13]. Вся эта переписка, как и посещение Данненберга В. А. Панаевым, падает на то время, когда Данненберг и Некрасов уже живут вместе, и в эти же месяцы, по-видимому, Некрасов знакомится с И. И. Панаевым у М. А. Гамазова[14]. Последующая их тесная связь, вероятно, в какой-то степени оказывалась подготовленной и общими знакомствами.

Это — семейные связи Второва и отчасти Данненберга; едва ли не большее значение для нас имеют их университетские связи. В переписке Данненберга постоянно упоминаются его товарищи-студенты и окончившие курс; мы встречаем здесь и имена, получившие впоследствии известность в ученом мире. К ним принадлежит, например, Александр Яковлевич Стобеус, окончивший в 1837 году кандидатом с золотой медалью и затем преподававший правоведение; он был давним приятелем Второва и сохранял с ним близкие дружеские отношения в последующие годы[15], или Карл Александрович Демонси (ум. 1867), выпуска 1836 года; в 1839 году он уже ассистент, издавший на латинском языке диссертацию по медицине; впоследствии он будет ординарным профессором и деканом медицинского факультета

при Харьковском университете. Экстраординарным профессором Петербургского университета по кафедре турецкого языка станет Вильгельм Францевич Диттель (1816–1848), уже в 1837 году, сразу по окончании, получивший степень кандидата арабо-персидско-турецкой словесности. В этой среде, по-видимому, также прочны литературные интересы. Казанские студенты издают свой рукописный журнал «Северное созвездие», которым руководит Евлампий Кириллович Огородников, вначале, как и Данненберг, учившийся на медицинском факультете (с 1833 года), а затем увлекшийся восточными языками; в 1839 году он был своекоштным студентом III курса по разряду восточной словесности (китайский язык). Он окончил курс в мае 1841 года, получил звание кандидата и серебряную медаль[16]. Три книжки журнала, объединившего опыты двадцати молодых литераторов (семнадцать из них были студентами университета), вышли в 1838–1839 годах; четвертая была обещана к осени 1839 года; появилась ли она, неизвестно. Данненберг был среди участников журнала; к сожалению, мы не знаем, что именно здесь принадлежит ему, так как все произведения анонимны, и авторы лишь перечислены в общем списке[17]. Вероятнее всего, он поместил стихи. Стихи в этом кругу пишут все: их пишет Второв, Данненберг и, по-видимому, даже невеста Данненберга; во всяком случае, вместе с письмами она посылает Данненбергу и стихи — причем, вероятнее всего, ею сочиненные, а не переписанные. В «Северном созвездии» сказались ультраромантические симпатии казанских поэтов — то характерное поэтическое умонастроение, которое породило поэзию А. В. Тимофеева, учившегося здесь десятью годами ранее. В переписке Данненберга сохранились образцы его поэтического творчества; нам небезынтересно познакомиться с ними уже потому, что они стилистически довольно близки ранним стихам Некрасова, с которым Данненберг вскоре установит литературный контакт.

НЕВЕСТА

Прости мне, красавица, если напрасно
Любовь не хотел оценить я твою;
Ее испытал я: любовь та ужасна;
Прости же теперь, что тебе изменю —
Другую нашел. Я нашел себе деву, —
Она не из светских красавиц взята;
Она не внимает хоть сердца напеву,

Зато из свинца — постоянства слита.
Безмолвна она, — хоть «люблю» и не скажет,
Зато не коварна, как ты, но верна;
Она глубоко в моем сердце заляжет;
Люблю я ее, — мне невеста она.
Ты помнишь, когда я среди обольщенья
В тебе заключал все блаженство мое;
Но встретя в награду тогда лишь презренье,
В тот мир себе в спутницы выбрал ее.

Для брака я выберу пору ночную;
Невесту на пир роковой снаряжу;
Открою ей сирую грудь молодую
И крепко ее я в объятья зажму.
Приди, полюбуйся на пиршество брака:
Земля будет нам брачным ложем, — и кровь
Там шумно запенится вместо арака;
Приди! Полюбуйся!.. но вспомни любовь!..[18]

2

Весной 1839 года, уволившись «по прошению», Данненберг выехал из Казани с намерением отправиться в столицу. По пути он посетил родную Самару, откуда 9 июня отправил Н. И. Второву письмо — первое из той пачки писем, которая займет теперь наше внимание.

По рассказам Н. В. Успенского было известно, что Данненберг уехал с соблюдением всех мер предосторожности и, во избежание гнева родителей, «решился некоторое время вовсе не писать им о себе»[19]. По письмам Данненберга мы можем представить себе ситуацию и более полно, и более точно. Предосторожности, принятые им, были связаны не только с намерением сделаться из медика художником, как думал Успенский, но и с его планами женитьбы, которые никак не могли вызвать одобрения в его семействе, жившем в это время в Самаре. Его избранницей была Любовь Августовна Гильтер, сестра его университетского товарища Павла, учившегося на медицинском факультете; мать их, Каролина Петровна (ум. 1853), была повивальной бабкой при университетской больнице[20]. Данненберг собирался взять в жены бесприданницу из огромной и малосостоятельной семьи. «…У моих детей ничего нет, окроме их доброго сердца», — писала ему Каролина Гильтер[21]. Чувство молодых людей было взаимным, и брак был решен; по городу уже ходили слухи об их отношениях (слухи эти несколько утихли с отъездом Данненберга)[22]. Оставалось преодолеть сопротивление родителей — прежде всего отца, твердо решившего воспрепятствовать этому браку: до него уже доходили рассказы о матримониальных планах сына. Семья Данненбергов интересовалась, действительно ли Клавдий «женился на *какой-то Л.<юбови> Авг.<устовне>* и уехал в Петербург; маминька К<лавдия> Андреевича согласилась на его женитьбу и благословила его; но отец никак об этом слышать не хотел и теперь в ужасном горе»[23]. Каролина Гильтер писала Данненбергу еще в 1840 году: «Странно, право, что старичок ваш вам не верит и возымел такое худое мнение как об вас, так и об нас…» «Конечно, — писала она далее, — он не знает ни наших правил, ни наших суждений об долге детей к родителям и родителей к детям…»[24] Невеста безропотно переносила и тоску ожидания, и тревогу о неизвестном будущем; с каждой почтой она посылала «милому другу Клавдию Андреевичу» большое письмо. Положение было сложным; еще в ноябре 1839 года Данненберг спрашивал Второва: «Как бы это сделать, чтоб никто

ко мне больше не писал? Тс — никому ни слова, прошу тебя. Дома у меня кутерьма: думают, что я в Казани женился и уехал с женой в Питер (не говори об этом Гильтеру). Чтоб поправить свои обстоятельства, я непременно должен приехать скорее домой в Самару; а не то все пойдет к шаху. — Не дивись, — или подивись, как судьба вертит мной. Сил не достает!»[25]

17 августа 1839 года Данненберг сообщал Второву, что посетил Нижний Новгород. Настроение его не слишком радужно; он уже начинает испытывать недостаток в деньгах. 4 сентября он приезжает в Петербург[26].

В столице депрессия его усиливается. «…Смотрю на все слишком равнодушно, может быть, оттого, что мне скучно до того, что ты себе представить не можешь, и потому меня ничто не занимает. Видел картину Брюллова; прекрасна, но я нашел менее, нежели воображал. На днях начнется в Академии выставка, буду там и постараюсь после описать тебе, что особенно привлечет мое внимание, — а я должен быть недели три совершенно без дела, потому что занятия начнутся не раньше как после выставки. Я избрал архитектуру, причем вменяется в обязанность и рисованье, а это мне и на-руку, — что-нибудь сотворим». Он дает Второву и адрес: Васильевский остров, 3 линия, дом Шлиманна. Он просит известий из Казани и жалуется на одиночество и горести, его преследующие. «Одно осталось утешение: это воспоминание, — когда я мыслию переношусь в Казань, где так был я счастлив, где для меня все, для чего я живу и переношу много-много; но ужели я не увижу конца моим испытаниям?» Из взятых с собою денег у него осталось только 75 рублей[27].

Обо всем этом Данненберг сообщает Второву 14 сентября. Это время — канун встречи его с Некрасовым. В начале сентября Некрасов живет еще у Д. И. Успенского, учителя греческого и латинского языков Петербургской духовной семинарии, приютившего его у себя. Нам известен его адрес: «Рождественской части, 6-го квартала у Малоохтенского перевоза в доме купца Трофимова»[28]. Затем происходит ссора с Успенским; Некрасов оставляет его квартиру, и начинаются поиски временного пристанища. Все эти события падают, по-видимому, на конец сентября — начало октября; в первой половине октября 1839 года он уже живет вместе с Данненбергом[29].

Как произошло их знакомство, Данненберг не рассказывает, и, восстанавливая общую ситуацию, мы вынуждены опираться на уже известные автобиографические рассказы Некрасова, переданные Н. В. Успенским и В. А. Панаевым. Из писем Данненберга мы можем извлечь лишь некоторые косвенные данные, вносящие в них дополнительные штрихи. Тяготясь

одиночеством, он, видимо, искал себе товарища; небольшие деньги, которыми он располагал, таяли. Бродя по Васильевскому острову, он, если верить Успенскому, обратил внимание на объявление о сдаче комнаты, которое вывесил Некрасов, дошедший до материальной крайности, и зашел к нему. По свидетельству Панаева, он просто ошибся адресом, разыскивая кого-то из своих знакомых. Некрасов рассказывал, что неприветливо принял незнакомого «господина в плаще», справлявшегося о местопребывании некоего «N», и не обнаружил желания вступать в беседу. «Вижу, — продолжал он, — что господин в плаще не уходит. Подождав немного, я ему сказал:

— Что вам нужно? Небось, любуетесь на мою обстановку.

— Признаюсь, — ответил он, — ваша обстановка озадачила меня; хотя я тоже не в завидном положении, но у меня есть в кармане двадцать рублей и довольно хорошая квартира; не пожелаете ли поселиться у меня? Пожалуйте хоть сейчас, я живу очень близко отсюда.

— Мне нужно заплатить хозяйке пять рублей, — сказал я.

— Вот вам пять рублей, заплатите и идемте со мною.

Я тотчас же расстался с хозяйкой, взял под мышку коврик и подушку, и мы отправились вместе с господином в плаще. Фамилия этого человека была Данненберг…»[30]

Рассказ, переданный Панаевым, безусловно, достовернее версии Успенского, согласно которой Данненберг нанял комнату Некрасова и тут же «переехал» в нее, бросив в угол узелок, составлявший все его имущество. Некоторые мелкие и совершенно конкретные детали воспоминаний Панаева подтверждаются письмами. Данненберг в стесненных обстоятельствах, но еще не впал в нищету: три недели назад у него было семьдесят пять рублей, от которых осталось двадцать к моменту разговора; он жил на Васильевском острове — стало быть, действительно близко от Некрасова; средства позволяли ему снимать квартиру, а не угол. Достоверна, наконец, самая ситуация: уже в цитированном нами письме видно стремление Данненберга освободиться от своего одиночества. Случайное знакомство с молодым литератором (род занятий Некрасова, конечно, стал ему понятен с первого взгляда) предоставляло для этого благоприятную возможность.

Следующее письмо Данненберга Второву — от 17 октября 1839 года[31] — содержит первое упоминание о Некрасове. Оно представляет особый интерес, и мы приведем его целиком.

17 октября.

Любезный дружище Николай Иванович!

Проходя во второй раз по выставке, я остановился у *сосновой доски* (нарисованной), на которой повешено несколько картинок на булавках, 1 портрет, завешенный китайской бумажкой, а другой за разбитыми стеклами; обман удивительный. Еще превосходная картина была Иисус с Никодимом при свете лампы. Было несколько хороших пейзажей, впрочем, нынешняя выставка больше портретная. Благодарю тебя за огромное письмо твое; нельзя ли нам почаще меняться такими; право, это мне будет не неприятно. Между прочим, ты просто *твердыня;* зачем тебе было сказывать, что получил письмо незапечатанным? *лубок*, я думал, что ты догадаешься; а не тут-то было; и по твоей милости я получил нос, хотя и небольшой, а все как-то не хорошо. Вперед не буду, не буду, вот те солно краснышко, к тебе с такими поручениями адресоваться. Я это сделал, чтоб не платить за 2 письма. Ну да бог тебя простит. — За новость тебе скажу, что я написал повесть *Друг Мишель*, помещу ее, кажется, в Альманахе, который мы хотим издать с моим сожителем Некрасовым, — его стихи ты встречал в «Сыне отеч.<ества>» и «Б.<иблиотеке> для ч.<тения>». — Работай поскорее Болгарскую статью и присылай, — если она будет не так велика, так мы ее тут же тиснем; в противном же случае можно будет продать в «Б.<иблиотеку> для ч.<тения>», а после, пожалуй, напечатать особо с приложением видов. — Я теперь достал себе источник денежный, взялся Полевому переводить с француз.<ского> статьи в «Сына отеч.<ества>» и беру по 60 руб. за лист. Шумим! В ноябре, я думаю, не позже Некрасов пишет либретто, а я музыку, и к новому году опера «Испанка», блестящая нашими именами, выдет в свет. Шумим! Послушай, мусье Николя! уговор лучше денег, — хлеб-соль вместе, а невесту врозь. Если ты смеешь быть к ней неравнодушен, берегись! Я приеду через год непременно, если не раньше, и откушу тебе нос и уши. Слышишь? — Мне от Академии задано нарисовать что-нибудь с натуры, и я вчера намахал портрет с Некрасова до<во>ль-но похоже, величиною с обыкновенный лист, карандашом[32]. прилагаемое письмо потрудись отдать

Демонси, он тебе покажет адрес; но ты пиши не так, а вот как: на Васильевском острове, во второй линии между Большим и Средним проспектом в доме Духанина № 132. Да передай Шмукеру записочку, а билеты я посылаю тебе для штуки. — Объявление о вашем переводе будет напечатано в след.<ующ>их №№ «Северной пчелы» и «Литературных приб.<авлений>» или Инвалидных прибавлений к русской литературе. Это все равно. Я нашел здесь Ленивцева и вижусь с ним раза 3 или 4 в неделю. Поклонись Александрову, Удельному Депутату с братьями, Долгову, Терзиеву, Диттелю, Стобеусу и всем, всем, всем[33]. Папеньке мое почтение. Прощай! еще спасибо за письмо. Не говори, что я ленив, — видишь, отвечаю, и вперед буду. Только пиши ты; да попроси знакомых студентов следовать твоему примеру. Будь здоров, не забывай

твоего К. Данненберга

Кланяйся Огородникову и скажи ему, не пришлет ли он в наш Альманах побольше хороших стихов из его журнала. И ты не найдешь ли где. Прощай!

Поздравь *ее* со днем рожденья 2-го ноября[34].

Письмо поражает своим резко изменившимся тоном. Меланхолические жалобы на судьбу сменились мажорными интонациями; Данненберг полон оптимизма и жажды деятельности. Он шутит, даже несколько бравируя и пересыпая свои фразы студенческим арго. Его художественные интересы вновь заявляют о себе; он начинает с обещанного описания годичной выставки в Академии художеств. Внимание его привлечено не столько работами академиков, сколько картиной непрофессионального художника — «любителя художеств, камер-юнкера» Вонлярлярского «Беседа Христа с Никодимом»; об этой картине («копии с Ферстейга»), кстати, сообщала и «Северная пчела», также находившая в ней «талант и вкус»[35]. Между прочим, в стихах Некрасова есть также следы впечатлений от петербургских выставок — в первую очередь, конечно, от «Последнего дня Помпеи» Брюллова; эту картину описывает в меру своего разумения «Феоклист Онуфрич Боб» («Провинциальный подьячий в Петербурге», 1840).

Нет сомнения, что петербургские художественные впечатления Данненберга были небезразличны и адресату письма и в известной степени характеризуют ту интеллектуальную

атмосферу, которая царила в казанском кружке. Второва занимали в это время проблемы живописи и архитектуры. Еще 14 сентября Данненберг просил его прислать «статью о Боґлгарах», теперь он вновь напоминает о ней, имея в виду устроить ее в печать. Статья была результатом их совместной работы: не далее как осенью 1838 года они совершили поездку по Казанской губернии с этнографическими и археологическими целями; в конце сентября они осматривали развалины в Болгарах, и Данненберг, несмотря на сильный холод, пытался сделать зарисовки[36]. Выставка, по-видимому, заставляла его спешить с опубликованием: развалины привлекли уже внимание столичных художников, и Данненберг, конечно, не был безучастным созерцателем целой серии этюдов и картин братьев Чернецовых с изображением казанских окрестностей, в числе которых была и «Внутренность развалин в Боґлгарах, Казанской губернии» Г. Чернецова[37]. Как явствует из письма, он брал на себя выполнение и других литературных комиссий Второва.

Это имеет значение для биографа Некрасова, потому что последний мыслился в качестве деятельного участника литературных начинаний Данненберга и даже их перводвигателя. Более того, у нас есть все основания думать, что именно Некрасов ввел своего нового приятеля в петербургские литературные круги. В письме от 11 ноября 1839 года Данненберг сообщал: «Некрасов (не родня казанс. <кому> [38]) жил у Полевова и потому знаком с ним; по просьбе моей он взял у него статью для перевода и передал мне; а я перевел ее и отнес сам к Полевому, — вот тебе и знакомство. Переведу ему еще листа 4 или 5, получу деньги, да и марр.р. рш отсюда; здесь хорошо, а в Казани лучше»[39]. Мы не можем сейчас сказать сколько-нибудь определенно, имеем ли мы дело с реальным биографическим фактом или неточной передачей какого-то разговора: никаких сведений о том, что Некрасов жил у Полевого, у нас нет, мы знаем только, что он бывал там, — и, по-видимому, довольно часто. Как бы то ни было, связи с Полевым продолжаются у Некрасова еще в конце 1839 года, когда он уже перестает печататься в «Сыне отечества», и через Полевого он добывает для Данненберга журнальную работу. Обещая Второву продать его статью в «Библиотеку для чтения» или поместить объявление о его переводе в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» или «Северной пчеле», Данненберг, конечно, рассчитывает на связи Некрасова с этими изданиями, тем более, что в двух первых Некрасов печатал свои стихи. Данненберг обещает очень уверенно, а в одном из последующих писем удостоверяет, что Некрасов находится в хороших отношениях с главными петербургскими журналистами.

Совместные литературные планы Некрасова и Данненберга также не оставляют сомнений в том, что уже к осени 1839 года за плечами Некрасова есть некоторый опыт профессиональной литературной работы. Это вовсе не романтически настроенный провинциальный юноша, пассивно переносящий горькую нужду, — это сложившийся, хотя и еще очень молодой литератор, изыскивающий средства жить профессиональным трудом. Он вхож в достаточно широкие литературные и журналистские круги, в которых ориентируется сравнительно свободно, и модус его поведения типичен для литератора-профессионала тридцатых годов. Замысел альманаха, о котором сообщает нам Данненберг, — обычное для этого времени литературно-издательское предприятие. Осуществление его требовало от издателей как раз широты литературных связей, и мы можем пожалеть, что Данненберг не сообщил, кого именно собирался привлечь Некрасов: один список имен обозначил бы его литературную среду в 1838–1839 годах. Вместе с тем уже скудные сведения по истории этого альманаха, которые мы можем извлечь из письма Данненберга, показывают, что среда эта не была ни слишком обширной, ни высокоавторитетной в литературном отношении. Издатели уже заранее предвидели недостаток материалов. Во всяком случае, Данненберг прибегал к Второву не только как к потенциальному автору, но и как своего рода эмиссару, прося его искать «хорошие стихи» и обратиться за ними к Огородникову — издателю того самого «Северного созвездия», о котором речь уже шла выше. Он знал, конечно, что участники этого журнала не могли конкурировать со столичными литераторами, и тем не менее счел нужным пригласить их к сотрудничеству.

Альманах Некрасова и Данненберга не состоялся, как и задуманная ими опера «Испанка», работа над которой, видимо, была уже начата. Самый замысел оперы, однако, был не менее любопытен, чем замысел альманаха, и также говорил об известной ориентированности авторов — уже не только в литературной, но и в театральной жизни Петербурга.

«Испанские» темы, проникавшие в Россию и непосредственно, и через посредничество французской романтической литературы, в конце 1830-х годов были уже настолько популярны, что обращение к ним перестало быть признаком сколько-нибудь определенной литературной ориентации. Их широко культивировали, в частности, в кружке Полевого, с которым были связаны первые литературные шаги Некрасова. Среди стихов, повестей и драм на «испанские» темы, сочиненных литературными знакомыми Некрасова, мы находим в немалом

числе и такие, в которых фигура женщины-испанки занимает особое, и в иных случаях центральное, место. В драматическом конфликте обычно действуют «любовь» и «честь» или родовая гордость. Н. Бобылев, посещавший кружок Полевого одновременно с Некрасовым, — и, кстати, тогда же издавший альманах, — в 1837 году перевел повесть герцогини д'Абрантес «Испанка», где героиня жертвует своей жизнью и жизнью ребенка, чтобы отомстить завоевателям-французам за смерть мужа; Луиза, из переведенной Н. Полевым повести Рейбо, отвергает любовь испанского короля, сохраняя верность своему избраннику; то же делает и Клара в повести А. Мейснера, послужившей потом основой для драмы Полевого «Мать-испанка» (1843). Героический женский характер в мелодраматической «испанской» ситуации появляется и в повести Бальзака «Испанская честь» («Le grand d'Espagne»), переведенной Ф. Кони, также бывавшим у Полевого в 1838 году[40]. Эти и многие другие образцы — мы указываем лишь на ближайшие по времени и явившиеся в непосредственном окружении Некрасова — легко могли послужить стимулом для замысла оперного либретто.

Следов этого либретто в наследии Некрасова не осталось; однако через год или два экзотические «испанские» и «итальянские» сцены займут свое место в некрасовских повестях в «Пантеоне» — «Певица» (1840) и «В Сардинии» (1842), при чем обе повести окажутся связанными с впечатлениями от музыкального театра. В первой мы находим вставные арии; во второй — прямую сюжетную реминисценцию: сардинский рыбак намерен с кинжалом в руке мстить обольстителю своей сестры. Ситуация прямо перешла сюда из знаменитой «Фенеллы», как в петербургской постановке была названа «Немая из Портичи» Обера. Либретто оперы подверглось на русской сцене значительным цензурным изменениям; Мазаниелло, роль которого с шумным успехом исполнял Голанд, был назван Фиорилло[41]. Это-то имя («Фиорелло») носит некрасовский мститель-рыбак, выдавая таким образом свою литературно-театральную генеалогию.

До сих пор мы имели дело с теми замыслами и опытами друзей, которые несли на себе черты высокой романтической традиции. Ею отмечены ранние стихи Данненберга и Некрасова; нужно думать, что она должна была сказаться и в либретто и музыке неосуществленной оперы. Однако Данненберг упоминает в своем письме еще об одном своем произведении, также неизвестном нам, — повести «Друг Мишель». В этом названии ощущается как будто фельетонная манера. За неимением образцов прозы Данненберга, нам стоит обратить внимание на

стилистические особенности его дружеских писем. Одно из них особенно интересно, так как намеренно стилизовано под «повесть»; под вымышленными именами-кличками из студенческого жаргона («Твердыня», «Абдул Крепость») здесь описывается предполагаемая встреча и разговор адресата и корреспондента. Разговор пародиен; однако самая пародия заключается в том, что оба собеседника предстают в объективированном виде воображаемых литературных героев. В этой псевдоповести мы находим целый ряд черт, которые будут свойственны и повестям и фельетонам раннего Некрасова: именно, установку на речевую характеристику, с широким использованием бытового просторечия и поговорочных речений. «Виноваааааааат! — завопил во все горло Абдул Федотыч, чертя указательным пальцем левой руки по своей шее. — Ага! Попался! — возразил Твердыня, — и не совестно тебе на всет божий смотреть, продолжал он, — как тебе не стыдно не писать ко мне так долго! скажешь: некогда». «Виноват — снова произнес Абдул, — не прикажите казнить, прикажите речь говорить! Ведь время на время не приходит; иногда лучше родится рожь, иногда пшеница, бывает в году и масленица, бывает и великий пост; понял — ладно, а не понял — не прогневайся, лучше сказать не умею, ведь я живу хоть и в Питере, а ем пряники-то не писаны». И далее: «кто в бурю на море не бывал, да кто в Питере в нужде не бывал, тот досыта богу не маливался»[42]. Подобные же речения мы находим уже в «Повести о бедном Климе» (1842–1843): «ни брат, ни сват… кузнец двоюродный нашему слесарю», «грош заплочено да пять раз ворочено!.. Вынести на базар — четвертак дадут да полтинник сдачи попросят»[43]; позднее, в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова» появится фигура дворового человека Егора Спиночки, сыплющего прибаутками (VI, 289 и след.). Еще более близкое совпадение обнаруживается в романе «Три страны света» Некрасова и Панаевой: вторая глава пятой части названа здесь: «Кто на море не бывал, тот богу не маливался»[44]. Отметим пока самое тождество формул: нам придется еще к нему вернуться.

Одновременное обращение писателя к «высокому» и «низкому», к элегической медитации и пародии — явление хорошо известное в истории литературы и даже для романтика не представляющее собою ничего исключительного, скорее напротив. Однако в творчестве романтика 1830-х годов удельный вес пародии несколько иной, чем в предшествующее десятилетие, и она нередко тяготеет к превращению в автопародию. Разрушающаяся эстетическая система, эклектичная в самых своих основах, облегчала этот переход, и едва ли не эту тенденцию мы

улавливаем, сопоставляя бытовое просторечие писем Данненберга с мелодраматической патетикой его же «Невесты». Если «Друг Мишель» действительно был повестью фельетонного типа, то в этом случае творческое сознание Данненберга оказывалось типологически близким некрасовскому. Вспомним, насколько быстрым оказался переход Некрасова от романтических стихов к журнальному фельетону, — и от «серьезной» трактовки романтических ситуаций к их прямому пародированию. В «Несчастливце в любви, или Чудных любовных похождениях русского Грациозо» (1841) травестированы сцены, пользовавшиеся еще в конце 1830-х годов необыкновенной популярностью: к ним принадлежит, например, сцена прыжка всадника на коне со скалы в бурную реку[45]. Более того: уже в 1841 году Некрасов начинает пародировать свои собственные стихи, вошедшие в «Мечты и звуки», включая их в иронический или снижающий контекст. В том же «Русском Грациозо» мы встречаем вплетенные в повествование традиционные формулы из этих стихов (ср., например, эпизод с куртизанкой Франциской, к которой герой был «прикован» «неразрывной цепью страсти», и строки в «Признании»: «Я навек к тебе прикован Цепью страсти роковой» — V, 218); в рассказе «Двадцать пять рублей» (1841) сниженно воспроизведены несколько строк из «Турчанки» (V, 123) и т. д. Если бы речь шла о зрелом Некрасове, в этом не было бы ничего удивительного, но ведь, например, повесть «В Сардинии», с ее ультраромантическим сюжетом, пишется всего годом позже. Речь идет, таким образом, не об отмене, а о внутреннем разрушении, коррозировании романтической эстетики раннего Некрасова.

3

Литературные планы и замыслы, о которых сообщал Данненберг в своем первом письме, оказались неудачны. Приятели продолжали жить вместе в доме Духанина на второй линии Васильевского острова, изыскивая средства поправить свои материальные дела. По-видимому, адрес этот, указанный Данненбергом, был первым из их петербургских адресов; впрочем, его нельзя считать совершенно несомненным. Данненберг, судя по письму, имел два адреса для писем и давал Второву один из них. Мы не знаем достоверно, был ли это реальный адрес или лишь наиболее надежный, — например, на случай смены квартиры.

К тому времени, как составлялись проекты альманаха и оперы и делались поденные переводы для Полевого, Некрасов уже предпринял все необходимые шаги для издания сборника своих стихов. Еще 26 июня, задолго до знакомства с Данненбергом, он отнес в петербургскую цензуру рукопись на 114 листах, под названием «Стихотворения Н. Некрасова». 25 июля рукопись была одобрена, и 8 августа автор получил ее обратно[46]. Таким образом, к осени 1839 года процензурованная тетрадь — будущая книжка «Мечты и звуки» — лежала у Некрасова по неимению средств на ее издание; Г. Ф. Бенецкий, рекомендовавший поэту издать сборник, распространил среди кадетов Павловского корпуса по предварительной подписке «до сотни билетов», как вспоминал сам Некрасов (впрочем, цифра эта, как мы увидим, оказалась преувеличенной). Шансов добыть деньги для печатания было, по-видимому, столь мало, что Данненберг, перечисляя совместные замыслы, ни словом не упоминает о сборнике вплоть до 12 декабря 1839 года, когда он пишет Второву обширное письмо, отчасти разъясняющее нам обстоятельства выхода в свет первого некрасовского сборника.

«У меня есть до тебя просьба, — пишет Данненберг, — будь, пожалуйста, понахальнее и распехай по рукам (ежели можно) своим и моим знакомым прилагаемые билеты; но с тем, чтоб деньги отдавали тут же на руку, и первой же почтой пришли по возможности вырученное. Я пустился на аферы, — вместе с товарищем издаем его стихи. Здесь в Питере пущено 50 билет.<ов>; но все-таки мало, чтоб на эти деньги можно было напечатать. Впрочем, не думай, чтоб стихи были дурные; прочти обращики в „Б.<иб-лиотеке> для ч.<тения>“ или „С.<ыне> отеч.<ества>“, с подписью *Некрасов*. Напечатаны будут на хорошей бумаге, в цветно<й> обертке, величиною листов в 7 в

8-ю долю. Между прочим, вот тебе кому можно подсунуть: троим Огневым[47], Стобеусу, Демонси и еще кому знаешь, т. е. кому возможно. Сказать, что *я* издаю, — можешь; но что я назначил имена под-пис<чи>ков — не смей». И далее: в приписке: «Стихи по напечатании с первой же почтой будут присланы. Не позже 1 **х** месяц.<ев>. Постарайся, чтоб к 12 генваря вырученные деньги были здесь. Если будет барыш, то долг мой пришлю тебе в скорости. Нет сомнений, что удача будет, потому что Некрасов со всеми главными журналистами в ладах»[48].

Хлопоты Второва, по-видимому, были успешны, и у нас есть основания думать, что поддержка казанских друзей Данненберга в немалой степени подвинула издание сборника. Печатание между тем задерживалось; может статься, что как раз в это время Некрасов начал испытывать сомнения в достоинстве стихов, о чем он вспоминал в своих автобиографических набросках; он собирался «изорвать» рукопись, но его убедили отправиться за советом к Жуковскому. Визит этот известен; его описал сам Некрасов (XII, 11–12, 22). Жуковский похвалил одно или два стихотворения[49], но советовал снять имя с титульного листа. Некрасов так и поступил, и сборник, получивший новое название «Мечты и звуки Н. Н.», появился в свет 6 февраля 1840 года[50]. Теперь началось распространение самой книги, при помощи Н. Ф. Фермора; сам Некрасов безуспешно пытался продать ее через коммиссионеров[51]. Все это время у издателей книги не было возможности вести переписку, и лишь 19 февраля 1840 года Данненберг отправляет Второву письмо с благодарностью и объяснением вынужденного молчания.

<К. А. Данненберг — Н. И. Второву>

«Любезный дружище Ник.<олай> Иванович. Мне пишут, что ты уже начинаешь жаловаться на мое молчание; виноват! но ведь сам посуди, что мне совестно было бы писать, не отправляя книг, — проклятая типография замешкалась, — на прошлой неделе только вышли стихи из печати, и тебе вот они как снег на голову. Спасибо тебе за хлопоты; напрасно ты на свое имя взял экземпляр, мы бы тебе и так подарили, Некрасов тебя так уважает заочно, что хочет написать оду под заглавием: „Доброта и аккуратность Н. И. Второва“. Так вот тебе 16 экземпляров, один отдай

Павлу Августовичу, а прочими распорядись как знаешь.

Скажу тебе весточку, что я скоро получу звание художника и место в Перми, скоро увижусь с тобой; но не говори этого никому; извини и то, что не остановлюсь у тебя, несмотря на давнишний уговор, — мне не хочется, чтобы многие знали об моем приезде или проезде. Ко мне не пиши. Папеньке мое почтение, знакомым поклон. Конец последнего письма твоего остался для меня какой-то неприятной и щекотливой загадкой. Об „Гете и Шиллере“ я узнаю, и можно будет без меня выписать через Ленивцева, на него можно положиться. Прощай — до свидания.

Твой К. Данненберг.

19 февраля 1840 года»[52].

Написав это, Данненберг снова замолчал, почти на месяц. Только 15 марта он пишет следующее письмо — короткую записку, где извещает, что намерен отправиться в Пермь немедленно, как только закончит свой академический проект. Ему срочно нужны деньги; он просит Второва заложить или продать его перстень, хотя бы за 75 рублей вместо 90; он объясняет, что не пишет домой, так как не рассчитывает получить оттуда ответ ранее чем через месяц, а уехать хотел бы до весенней распутицы. Он сообщает свой адрес: Васильевский остров, 7 линия, между Большим и Средним проспектами, дом Герасимова, квартира Эйхгорна, — и просит писать по экстра-почте[53].

Уехать, однако, ему в этот раз не удалось. Проект его, очевидно, не был принят; Каролина Гильтер 30 марта упрекала его: «зачем прежний ваш проект не работали прямо в академии, то теперь были бы уже в Казани». Казанские друзья и особенно невеста ждали его приезда со дня на день; он сообщил им, что вынужден задержаться еще на две недели. Павел Гильтер грозил шуточными карами «канальям профессоришкам». «… Однако позволь тебе заметить, что ты чудак преогромный, — как написать 2 проекта и не вздумать, что могут придраться и испортить!» Тем не менее дела поправить было нельзя; в утешение Гильтер сообщал, что Второв отвечает той же почтой «и, кажется, посылает pecuniam»[54]. Две недели оказались тоже иллюзией; 28 марта Данненберг писал Второву с той же квартиры, что не надеется закончить дела ранее праздников, и вновь повторяет просьбу о деньгах: «… теперь у меня денежных

источников нет, и потому порядочно нуждаюсь»[55]. Но прошли и праздники, а Данненберг по-прежнему вынужден был жить в Петербурге. Задержка его раздражала друзей; их беспокоило и то, что Данненберг писал мало и редко. Второв послал «pecuniam» с обиженным письмом, на которое обеспокоенный Данненберг поспешил откликнуться 22 апреля: «Любезный друг Николай Иванович! Признаюсь, я не ждал получить от тебя такое письмо, или, лучше сказать, обидную записку. Ты полагаешь, что переписка с тобой мне тягостна; из чего ты это мог заключить — не знаю. Я начинаю думать, что ты не получил сочинения Некрасова; то если это в самом деле так, — следовало бы упомянуть об этом в письме; и теперь прошу тебя уведомить меня об этих книгах; я перед тобой, да и перед всяким, подлецом быть не хочу». Опасения Данненберга были напрасны: Второв получил книги. Во всяком случае, «Мечты и звуки» были в составе его библиотеки, которую он пожертвовал в пользу города в 1844 году, уезжая из Казани[56]. «Ты очень ошибаешься, — продолжал Данненберг, — если думаешь, что я не дорожу дружбой того, с кем я был почти все детство вместе и провел лучшие лета жизни, и следов. <ательно> кого я мог узнать хорошо. Если я в самом деле что дурно сделал, то ты еще хуже: ты послал ко мне деньги с таким обидным письмом, не сказавши о причине; ты думал, что деньги для меня дороже твоей дружбы, и ошибся, — здесь можно только нуждаться, а умереть с голоду нельзя, и ты лучше бы сделал, если бы не присылал ничего, а твое *сострадание* ядовито до *nec plus ultra.* У меня друзей так мало, что и троих не перечесть, и мне будет слишком ощутительна потеря тебя»[57]. «Впрочем, кажется, этому случиться трудно», — оговаривается он, и на этом прекращает выяснение отношений, переходя на свой обычный спокойно-дружеский тон.

По-видимому, в это время он живет еще вместе с Некрасовым и тяготы, переносимые им, — это тяготы обоих. Визит к ним В. А. Панаева датируется обычно концом апреля — началом мая 1840 года[58]. Адрес, названный Панаевым, впрочем, разнится от того, который сообщал Данненберг в Казань: он вспоминал, что друзья жили «в четвертой линии, на втором этаже, окнами на улицу». Расхождения эти мы не можем сейчас объяснить достаточно убедительно; может быть, здесь ошибка памяти мемуариста, может быть — очередная смена квартиры. В мартовском номере «Пантеона русского и всех европейских театров» Некрасов печатает посвященные Данненбергу стихи; тема их — тоска по родине, по берегам Волги, с которыми «жизнь сердца связана», — равно близка и автору, и адресату. В мае, по-видимому, их совместная жизнь окончилась, вскоре после того,

как в Петербург приехал казанский приятель Данненберга Владимир Александрович Деммерт. Он учился в университете в 1838–1839 годах и 5 сентября 1839 года уволился «по прошению»[59], чтобы повторить путь Данненберга. Еще в ноябре 1839 года последний пытался через Второва отговорить Деммерта от поездки в Петербург. «Скажи Гильтеру, чтоб он передал Деммерту, что он дурно сделал, что вышел из универ.<ситета> и хочет ехать сюда в живописцы. Это бесконечная работа; много их здесь, и надо быть выше Брюлло, чтоб иметь известность; надо проучиться лет 6 на своем содержании (1000 руб. в год) — немного невыгодно. Я лучше Деммерта рисую, и то не соглашусь быть здесь академистом живописи; здесь нынче поступают только для усовершенствования; все низшие классы уничтожены, и его, кажется, не примут; впрочем, как он хочет, а это мое мнение»[60]. Эти увещания не возымели действия; да Деммерта, видимо, и не так легко было уговорить. В Казани он пользовался репутацией отъявленной богемы. «Я етого Демерта не очень люблю, — писала Данненбергу К. Гильтер, — он очень огорчил свою мать, что пошел в актеры, да когда он и здесь еще был, то был уже пьяница и все что вам угодно»[61]. Данненберг защищал товарища, и Гильтер с удовлетворением приняла известие, что беспутный человек «переменил род своей жизни» и «раскаивается»; она даже готова была благословить его на новое поприще[62].

С этим Деммертом и поселился теперь Данненберг. «Так как ты живешь вместе с Демертом, — писал ему П. Гильтер, — то скажи ему, что я на него сердит за то, что об себе ни строчки не напишет, — я бы желал знать — что и как он»[63]. Письмо написано 30 мая, нужно думать, что прежние друзья съехались не позднее середины месяца.

Что делал Данненберг далее — об этом мы можем судить только по письмам к нему семейства Гильтеров. К 27 мая они получают от него письмо с ошеломляющим известием, что его приезд откладывается еще на три с половиной месяца. Он не приехал ни тогда, ни позже: в октябре К. Гильтер советовала ему не ссориться с профессорами и терпеливо выносить наложенную «епитимию»[64]. В ноябре выяснилось, что Данненбергу предстоит еще искать места; проект его, по-видимому, все еще не был принят[65]. Письма в Казань приходят от него все реже. 13 февраля 1841 года П. Гильтер пишет ему: «Недели две назад читал я у Вани Огнева копию с твоего письма, котор<ое> ты писал Туманову в Саратов (стихами) и между прочим прочел в нем, что в январе отправляешься в Пермь архитектором, но вот и январь проехал, да и февраль доезжает, скоро и ему карачун, а тебя все нет да нет. — Эх-ма! дурно! вот что значит одному-то

жить…»[66]

Это были уже последние письма. След Данненберга потерялся в середине 1841 года — чтобы вновь открыться — неожиданно и драматически — на могильной плите казанского православного кладбища. В «казанском некрополе» Н. Агафонова мы находим его имя; он скончался двадцати пяти лет от роду 24 января 1842 года[67]. Видимо, он добрался до Казани, куда так стремился, но как сложились последние полгода его жизни, успел ли он соединиться со своей невестой, от чего и при каких обстоятельствах умер — нам неизвестно.

В конце 1847 года Некрасов в обществе В. А. Панаева и нескольких других знакомых вспоминал свое еще не столь далекое прошлое, и Панаев напомнил ему о прежнем товарище; они вспомнили и о совместном житье Некрасова и Данненберга в квартире с оригинальными солнечными часами, и о щах, составлявших их дневную пищу, «и после того много, много Некрасов рассказал еще доброго о Данненберге»[68]. Ни рассказчик, ни слушатели не подозревали, конечно, что история уже дописала печальный конец этих мемуаров; они вызывали из незаслуженного небытия живой облик молодого, полного сил, веселого и одаренного человека.

В то время, когда происходил этот разговор, Некрасов и Панаева уже, по-видимому, начали писать или, во всяком случае, обдумывать новый роман «в 8 частей и 60 печатных листов», об окончании которого Некрасов сообщал Тургеневу в письме от 12 сентября 1848 года. Это был роман «Три страны света», о котором нам уже приходилось мельком упоминать: одна из его глав была названа поговоркой, употребленной в письме Данненберга.

Совпадение это могло быть случайным: ходовое речение не есть реминисценция; более того, самое авторство глав в «Трех странах света» устанавливается лишь предположительно. И вместе с тем впечатления от общения с Данненбергом, как кажется, отразились в нескольких эпизодах обширного романа. История Каютина, покидающего «на несколько лет» невесту, чтобы устроить свою и ее жизнь, находит параллель в биографии друга некрасовской молодости. «У меня нет ни гроша. Буду работать день и ночь, заработаю рублей триста — и марш» (VII, 34), — говорит Каютин Полиньке, как будто прямо повторяя фразу из другого письма Данненберга, цитированного нами выше. «…Вы лучше подумайте, в чем вы сегодня со двора выйдете», — возражает ему Полинька, — и здесь уже прямо слышатся отголоски автобиографических рассказов Некрасова о совместной жизни с Данненбергом. Мотив кольца, подаренного уехавшим женихом, и письма, подоспевшего в день рождения Полиньки

(часть II, гл. II, «Рожденье Полиньки»), — не есть ли это также отзвук подлинной истории отношений Данненберга к Любови Гильтер, о которых мы узнаем из его переписки? Как и Данненберг и Панаевы, Каютин связан с Казанской губернией, где было поместье его отца и осталось имение дяди; сюда-то, в Казань, отправляется он в поисках средств для снаряжения экспедиции (часть II, гл. VIII, «Выстрел»). Наконец, подобно Данненбергу, он пишет стихи; они слегка иронически процитированы в главе «Свадьба» (часть III, гл. I), — и в той же главе мы находим его за фортепьяно: он владеет инструментом как подлинный музыкант, не только играя популярные мелодии, но и «фантазируя», импровизируя. Сходство этим, впрочем, ограничивается. Данненберг не был, конечно, прототипом Каютина; мы можем говорить лишь о близости отдельных черт личности, поведения, духовного облика. Наряду с Каютиным мы находим в «Трех странах света» и персонаж иного рода, который будет и позднее занимать воображение Некрасова: тип бедствующего художника, по-видимому приезжего в Петербурге, которому нужно зарабатывать деньги, чтобы учиться. Этот художник — Митя — живет на Васильевском острове «в шестнадцатой линии» — в непосредственной близости от временных квартир Некрасова и Данненберга; он ждет, пока ему удастся его шедевр, и связывает с ним свои надежды на будущее, как Данненберг со своим академическим проектом; тем временем он перебивается случайными заработками и умирает совсем молодым от чахотки (часть VI, гл. VIII, «Полинькины родные»). О смерти Данненберга Некрасов мог и не узнать; о какой-то болезни, быть может, чахотке, разрушающей его организм, знал отлично: в письмах казанских друзей Данненберга мы находим встревоженные вопросы о здоровье; до них дошли слухи, что молодой художник чувствует себя плохо. История Мити также могла опираться на реальные, еще не потускневшие впечатления.

Так это или нет — мы не можем сказать с полной уверенностью. Во всяком случае, такая гипотеза кажется нам не лишенной вероятия. Автобиографичность прозы Некрасова — установленный факт, и среди множества неизвестных нам по имени, но существовавших в действительности людей, давших писателю материал для художественного воплощения, естественно искать того, кто оставил в его жизни глубокий и светлый след.

notes

Примечания

1

Печатается по изданию: Русская литература. 1976. № 1. С. 131–144.

2

В письме К. Гильтер Данненбергу от 12 октября 1840 года корреспондентка упоминает о его «наступившем 25 годе» (ГПБ, ф. 37, № 681, л. 20 об.).

3

Успенский Н. В. Из прошлого. М., 1899, стр. 228–231.

4

Михайловский А. И. Преподаватели, учившиеся и служившие в имп. Казанском университете (1804–1904). Материалы для истории университета, ч. 1. Казань, 1901, стр. 176 (далее: Михайловский).

5

Сообщено О. В. Ломан на XVIII Некрасовской конференции (см.: «Русская литература», 1974, № 4, стр. 228); полный текст печатается в сб.: Некрасов и русская литература (Кострома).

6

Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге. Лениздат, 1957, стр. 144 (со ссылкой на сообщение А. М. Гаркави).

7

См., например: *Павлова В. А.* Н. И. Второв и его кружок. В кн.: Очерки литературной жизни Воронежского края XIX — начало XX в. Воронеж, 1970, стр. 180–190, 400–401; *Кузнецов В. И.* «В моей душе твой образ сохраню…» В кн.: «Я Руси сын!..» (К 150-летию со дня рождения И. С. Никитина). Воронеж, 1974, стр. 80–96.

8

См.: *Де-Пуле М. Ф.* Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // «Русский вестник», 1875, №№ 3–5, 7, 8.

9

Архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького (ЛГУ), № 199 (запись от 13 июня).

10

«Русский вестник», 1875, № 8, стр. 611–615; *Де-Пуле М. Ф.* Николай Иванович Второв // «Русский архив», 1877, № 6, стр. 147.

11

ГПБ, ф. 37, № 682, л. 12 об. В цитатах из писем К. Гильтер мы не сохраняем ее неустойчивую орфографию, исключая те случаи, когда она отражает произносительные особенности.

«Исторический вестник», 1900, № 8, стр. 594–595.

13

ГПБ, ф. 37, № 674, л. 3 (письмо от 11 ноября 1839 года).

«Исторический вестник», 1889, № 4, стр. 255–256.

15

Михайловский, стр. 187; ГПБ, ф. 163, № 84, л. 28 об.

16

Михайловский, стр. 179.

17

Описание содержания сохранившихся книжек см.: *Ильенко Е. М.* Описание рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского. Вып. XIII. Художественные произведения. Первая часть. Казань, 1963, стр. 45–46 (Казанский гос. унив. им. В. И. Ульянова-Ленина. Научная б-ка им. Н. И. Лобачевского); исследование Е. М. Ильенко. «Северное созвездие». В кн.: Описание рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского. Вып. XI. *Аристов В. В., Ильенко Е. М.* Неизвестные страницы литературной жизни Казанского студенчества 30–40-х гг. XIX в. Казань, 1962, стр. 5–20 (Казанский гос. унив. им В. И. Ульянова-Ленина. Научная б-ка им. Н. И. Лобачевского).

18

ГПБ, ф. 37, № 647, л. 18.

19

Успенский Н. В. Из прошлого, стр. 230.

20

Михайловский, стр. 220.

21

ГПБ, ф. 37, № 681, л. 9 об.

Там же, л. 3 об.

23

Там же, л. 2 об. (письмо П. А. Гильтера Данненбергу от 22 октября 1839 года).

Там же лл. 17 об., 18.

Там же, № 674, л. 3.

Там же, л. 13.

27

Там же, л. 13–13 об.

Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге, стр. 44.

29

В письме Данненбергу П. П. Гильтера от 22 октября 1839 года есть фраза: «Пожалуйста, будешь писать 2 № (так! — В. В.) твоей фатеры, то оберни г-на Некрасова лицом к нам» (№ 681, л. 2 об.). Смысл просьбы не совсем ясен; она связана с какими-то замечаниями в утраченном письме Данненберга. Есть основания думать, что это место письма имеет в виду «двойные адреса» Данненберга, о которых пойдет речь далее. Для нас важна здесь дата: несомненно, Данненберг сообщал Гильтерам о Некрасове уже в середине октября; письма из Казани в Петербург шли в среднем неделю (так, письмо с датой 20 февраля 1841 года было получено, судя по штемпелю на конверте, 27 февраля. См.: № 681, лл. 5, 25).

30

Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971, стр. 43.

31

Год на письме отсутствует; он определяется по связи с письмом П. А. Гильтера Данненбергу от 28 сентября 1839 года, в котором сообщается, что Второв получил письмо Данненберга незапечатанным (ф. 37, № 683, л. 1); публикуемое письмо содержит объяснение этого обстоятельства.

32

Этот портрет неизвестен; по-видимому, он был самым ранним изображением Некрасова.

33

Данненберг называет слушателей университета Ивана (Конрада) Михайловича Шмуккера (1839–1841, окончил со званием провизора 1-й степени), Ивана Александровича Долгова (1836–1841), Василия Дмитриевича Терзиева (с 1838). См.: Михайловский, стр. 249, 203, 237. Николай Григорьевич Ленивцев учился в университете в 1835–1838 годах и был уволен «по прошению» (там же, стр. 195). Александров (Дольник) Константин Осипович — близкий друг Н. И. Второва, однокашник его по университету, в 1837–1838 годах кандидат, впоследствии историк и этнограф, член второвского воронежского кружка.

34

ГПБ, ф. 37, № 674, л. 14–14 об.

35

«Северная пчела», 1839, № 250, 4 ноября, стр. 999.

36

Де-Пуле М. Ф. Н. И. Второв, стр. 159. Возможно, что именно эта статья появилась позднее в «Казанских губернских ведомостях» (1843, №№ 37, 38), редактировавшихся Н. И. Второвым. См.: *Агафонов Н.* Казань и казанцы, II. Казань, 1907, стр. 87.

37

«Северная пчела», 1839, № 232, 14 октября, стр. 928.

38

«Казанский Некрасов» — Александр Александрович, учившийся одновременно с Второвым и Данненбергом (1835–1836), затем учитель котельнического уездного училища (Михайловский, стр. 195).

39

ГПБ, ф. 37, № 647, л. 3 об.

40

Об авторах этих переводов и переделок в кружке Полевого см. в его дневниковых записях за 1838 года («Исторический вестник», 1888, № 3). Свод данных об «испанской теме» в 1830-е годы — *Алексеев М. П.* Очерки испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964, стр. 167–170. Тексты см.: Испанка. Сочинение герцогини Абрантес. Перевод с франц. Н. Бобылева. М., 1837; *Дона Луиза.* Повесть г-жи Рейбо. С франц. И. Бенигна <Н. Полевой> // «Сын отечества», 1838, т. IV, отд. II, стр. 1–144; т. V, отд. II, стр. 1–30; Испанская честь. Повесть Бальзака. В кн.: Современные повести модных писателей. Собраны, переведены и изданы Федором Кони, II. М., 1834, стр. 103–137.

41

Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России. (От истоков до Глинки). Л., 1959, стр. 714–716.

42

ГПБ, ф. 37, № 674, л. 16–16 об.

43

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем, т. VI, Гослитиздат, М., 1950, стр. 28, 30 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте).

За это указание искренне благодарю Б. Л. Бессонова, которому принадлежит и мысль сравнить сюжетные линии и отдельные эпизоды в «Трех странах света» с реальными фактами биографии Данненберга (см. далее).

Литературная генеалогия этой сцены интересна: она связана с романтической поэзией и прозой 1820–1830-х годов и, в частности, с творчеством А. А. Бестужева-Марлинского. По-видимому, впервые она появляется в «Палее» Рылеева (1825), затем переходит в поэму Бестужева «Андрей, князь Переяславский» (гл. 1, фрагм. 17 и 18) и варьируется в стихотворении «Сон»:

И конь, и всадник, прянув с края,
Кусты и глыбы отрывая,
В пучину ринулись кольцом и т. д.

Другой вариант этой сцены — лирически смягченный, лишенный романтической эффектности — в «Прощании с Каспием» (1834); еще один — в «Мулла-Нуре». Все эти произведения читателям были хорошо известны по журнальным публикациям и «Полному собранию сочинений А. Марлинского», где были напечатаны и стихи популярного писателя (т. XI. СПб., 1838). Гибель Бестужева в 1837 году оживила биографические легенды о нем; на их основе возник апокрифический рассказ о встрече его с Пушкиным на Кавказе в 1829 году, где также нашел себе место эпизод с прыжком всадника в пропасть. См.: *Алексеев М. П.* 1) Этюды о Марлинском. Иркутск, 1928, стр. 24–25; 2) Пушкин и Бестужев. (По поводу одной картины). В кн.: Пушкин и его современники, вып. 38–39. Л., 1930, стр. 248–250.

ЦГИА, ф. 777, оп. 27, № 203, лл. 17 об. — 18.

47

Трое Огневых — Иван, Флор и Григорий Ивановичи, учившиеся в университете в 1835–1843 годах (Михайловский, стр. 196, 229, 246).

48

ГПБ, ф. 37, № 674, л. 4–4 об.

49

Известно (по указанию М. Н. Лонгинова, сделанному, несомненно, со слов самого Некрасова), что Жуковский одобрил стихотворение «Рукоять». У Жуковского были особые причины обратить внимание именно на это стихотворение. Еще в 1826–1827 годах он перевел стихотворение Л. Уланда «Der gute Kamerad», с близкой лирической ситуацией; перевод этот («Был у меня товарищ») при жизни им напечатан не был (см.: *Жуковский В. А.* Стихотворения, т. II. Ред. и прим. Ц. Вольпе. Л., 1940, стр. 263, 535).

50

А. С. Бобович. Цензурные материалы о Некрасове из библиотеки Ленинградского гос. университета // «Научный бюллетень ЛГУ», 1947, № 16–17, стр. 67.

51

Об истории издания сборника см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М.; Л., 1947, стр. 191 и след.

52

ГПБ, ф. 37, № 674, л. 5–5 об.

Там же, л. 6.

Там же, № 681, лл. 9, 10 об. Pecunia (*лат.*) — деньги.

Там же, № 674, л. 7 об.

56

Систематический каталог русских книг Казанской городской публичной библиотеки…, Казань, 1878, стр. 176 (№ 2667).

57

ГПБ, ф. 37, № 674, л. 9–9 об.

Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, стр. 499.

Михайловский, стр. 235.

ГПБ, ф. 37, № 674, л. 3 об.

61

Там же, № 681, л. 14 об. Письмо от 27 мая 1840 года.

Там же, лл. 15 об. — 16.

63

Там же, № 683, л. 7 об. Дата: «30 мая». Год устанавливается по связи с письмами К. Гильтер.

Там же, № 681, л. 19 об. Письмо от 12 октября 1840 года.

65

Там же, лл. 22, 24. Письма К. Гильтер от 23 ноября и Л. Гильтер от 28 декабря 1840 года.

66

Там же, № 683, лл. 5 об. — 6. На письме ошибочная дата: 13 янв. <аря>.

Агафонов Н. Казань и казанцы, I. Казань, 1906, стр. 68.

Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, стр. 43.